



**З. М. Каневский**

# **Загадки и трагедии Арктики**

**Зиновий Каневский**  
**Загадки и трагедии Арктики**

«Паулсен»

1991

УДК 910.4  
ББК 84

**Каневский З. М.**

Загадки и трагедии Арктики / З. М. Каневский — «Паулсен»,  
1991

ISBN 978-5-98797-260-1

Загадочное и трагическое идут в Арктике рука об руку. Погибшие и исчезнувшие экспедиции далекого прошлого, суда В. Русанова и Г. Брусилова, пропавшие уже в XX в., секреты, связанные с эпопеей спасения экипажа дирижабля «Италия», таинственная Земля Санникова, острова-миражи в Ледовитом океане, исчезнувший самолет Сигизмунда Леваневского – об этом и многом другом книга почетного полярника, автора многочисленных произведений об исследованиях Арктики и Антарктики Зиновия Михайловича Каневского. «Загадки и трагедии Арктики» – последняя прижизненная книга писателя, вышедшая в свет в 1991 г. Спустя 30 лет мы предоставляем возможность новому поколению читателей ознакомиться с таинственными и часто трагическими страницами истории освоения Арктики.

УДК 910.4

ББК 84

ISBN 978-5-98797-260-1

© Каневский З. М., 1991

© Паулсен, 1991

## Содержание

Жить для возвращения	6
Вступление	10
Именитые и безымянные	11
Колумбы ли открывают Америки?	11
Несправедливости обычной карты	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

# **Зиновий Михайлович Каневский**

## **Загадки и трагедии Арктики**

© Каневский З. М., наследники, 2020

© ООО «Паулсен», 2020



*Зиновий Михайлович Каневский*  
1932–1996

## Жить для возвращения

*Полярная ночь, ты похожа на женщину, пленительно прекрасную женщину с благородными чертами античной статуи, но и с ее мрачной холодностью... Непорочная, прекрасная, как мрамор, гордо паришь ты над замерзшим морем; сверкающее серебром покрывало, сотканное из лучей северного сияния, развеивается по темному небосводу. И все же порой чудится скорбная складка у твоих уст и бесконечная печаль в глубине твоих темных глаз...*

**Ф. Нансен. «Фрам» в Полярном море**

Зиновий Михайлович Каневский – человек удивительной судьбы. Способный пианист, он всерьез думал об учебе в знаменитом Гнесинском училище. «Музыку я любил, играть на фортепиано обожал, и у меня это получалось»<sup>1</sup>. Он продолжал брать уроки музыки, уже поступив в 1950 г. на географический факультет Московского государственного университета. На факультете в то время читали лекции корифеи отечественной географии: Н. Н. Баранский, И. А. Витвер, И. С. Щукин... А океанолог, профессор Николай Николаевич Зубов, «мичман при Цусиме, колчаковец при Колчаке», настолько заинтересовал студентов своими лекциями, что большая их часть сразу возмечтала стать океанологами. Как писал Каневский, «я не был исключением, мешала самая малость: я позорно укачиваюсь даже на речном трамвайчике». В результате Зиновий был зачислен на кафедру географии северных и полярных стран, впоследствии переименованную в кафедру криолитологии и гляциологии.

Первая заполярная учебная практика – запомнившаяся навсегда поездка в Хибины. Производственные практики после третьего и четвертого курсов молодой человек провел уже в настоящих арктических экспедициях, организованных Институтом мерзлотоведения, где директором был академик Обручев, крупнейший знаток геологии Сибири, автор романов «Земля Санникова» и «Плутония». Тяжелейший пеший маршрут через всю Чукотку – семьсот километров. «Все четыре геофаковских года я грезил об этих краях. Словно замороженный, повторял на занятиях по физической географии Арктики десятки наименований. Тут были озеро Эльгыгытгын, остров Аракамчечен, поселок Эгвекино, горные массивы Ыськатынь, Ыннымней, Тэнтаны, Итэньюрген и, первойшая из первых, река Амгуэма, перерезающая с юга на север почти всю Чукотку».

По окончании МГУ в 1955 г. гляциолог Зиновий Каневский вместе с женой Натальей, тоже выпускницей географического факультета, был направлен на работу на полярную станцию «Русская Гавань», расположенную на севере архипелага Новая Земля. Каневский получил экзотическую должность инженера-географа высшей квалификации; его жена, хоть и с таким же дипломом геофака, – должность метеоролога-наблюдателя (второй инженерной ставки на полярной станции не было).

30 июня ледокольный пароход «Георгий Седов» вошел в залив на Северном острове Новой Земли. В жизни Каневских начиналась новая эпоха – Дальняя Зимовка, которая длилась почти четыре года. Полярная станция «Русская Гавань»: «Мы очутились в мире, не похожем ни на какой другой. Два-три деревянных дома на каменистом, заснеженном одиннадцатом месяце в году берегу, безлюдье, раскинувшееся на многие сотни труднопреодолимых километров, сияющее в полуночные летние часы солнце, одни и те же лица вокруг, одна и та же работа, сотканная из бесконечной серии раз и навсегда заведенных гидрометеонаблюдений, обилие разнообразных житейских забот».

---

<sup>1</sup> Из книги З. М. Каневского «Жить для возвращения». М.: Аграф, 2001.

По требованиям техники безопасности одиночные маршруты запрещены, но на станции всего четырнадцать человек, у всех свои четко прописанные обязанности, и Каневскому приходилось совершать вылазки полутайком, каждый раз уходя все дальше и дальше от станции – сперва на три, пять, восемь километров; затем начались дальние походы на ледник Шокальского, один из самых больших на архипелаге, площадью 512 квадратных километров.

В конце июня 1956 г. Каневский оборудовал на леднике Шокальского маленькую станцию для гляциологических и метеорологических наблюдений и прожил там в одиночестве до начала сентября. Через год на леднике были созданы постоянные станции – «Барьер Сомнений» и «Ледораздел», на которых вахтовым методом постоянно дежурили наблюдатели, в том числе и Каневский с женой в течение последующих двух лет.

После возвращения с «Ледораздела», в марте 1959 г., Каневский по поручению начальника «Русской Гавани» отправился вместе с гидрологом Анатолием Афанасьевым на морской лед в трех километрах от станции, чтобы провести там 26-часовую серию наблюдений. В конце работы, когда оборудование уже было собрано и наступило время отправляться в обратный путь, на них обрушилась бора.

«Бора налилась какой-то совершенно дьявольской силой. Мне попадались ее описания, сделанные бывальыми зимовщиками-новоземельцами, где приводились леденящие душу сведения о ветре свыше сорока метров в секунду... Во время подобной неистовой боры рушатся береговые строения, слетают с крыш печные трубы, выдавливаются окна, а летом, бывает, ураган полностью “высасывает” воду из озерков вместе с их рыбной и прочей фауной!»

В «Русской Гавани» бора случалась часто, в любое время года и суток, и длилась два-три, а иногда и десять-одиннадцать дней. Скорость ветра во время боры может достигать тридцати-сорока метров в секунду, а то и более, то есть это уже ураган, сбивающий человека с ног. Особенно опасна бора на припайном, еще не окрепшем льду, который она отрывает от берега и уносит в море. Именно на таком льду проводили наблюдения Каневский и Афанасьев: открытая вода Баренцева моря была всего в восьмистах метрах от них, а до берега был километр пути, и пройти – не пройти, а проползти! – его надо было против ураганного ветра.

Из тысячи метров, отделявших Каневского от берега, он ценой невероятных усилий, впадая в забытие, преодолел семьсот. Эти семьсот метров он полз целых двадцать часов. Бора внезапно затихла, его увидели и перенесли в дом полярники. Вскоре нашли и Анатолия Афанасьева – уже мертвого. Бора сменилась густым туманом, и самолет с Диксона ждали пять дней. Двое суток Каневский пролежал в больнице Диксона, и был он настолько плох, что врачи не решились его трогать. После Диксона Каневского доставили спецрейсом в Архангельск, а оттуда – в Москву.

В апреле 1959 г. Зиновию Михайловичу ампутировали обе руки ниже локтей, а в мае – пальцы на ногах. И стало окончательно ясно, что «те двадцать часов, что он полз по морскому льду на Новой Земле, в лютый мороз навстречу ураганному ветру, вместили крушение жизни, крушение всех надежд. Опаленный страшной бедой, без обеих рук и пальцев ног, он вышел из боли и страданий в тишину и опустошение»<sup>2</sup>.

Ему нет еще двадцати семи лет, и надо учиться жить заново: ему, полярнику, влюбленному в Арктику, путь туда был закрыт; ему, способному пианисту, путь был закрыт и в музыку. Но спустя два года, приехав к своей учительнице музыки, совсем уже старенькой и слепой Александре Мартиновне Хостник, он «сел к роялю и принялся наигрывать и напевать, как тогда говорили, “песни советских авторов”... Александра Мартиновна окаменела, я, напротив, размягчился до безобразия и плакал. Хороший получился вечерок!».

«Первые годы после несчастья по инерции он вел какое-то подобие научной работы: обрабатывал наши новоземельские наблюдения, написал статью и главу в коллективную моногра-

<sup>2</sup> Из предисловия к книге З. М. Каневского «Жить для возвращения». М.: Аграф, 2001.

фию об оледенении Новой Земли, делал довольно много переводов научной литературы, которые публиковались в гляциологических изданиях. Так продолжалось года четыре, пока мы не поняли, что это тупиковый путь. В штат Института географии его не брали, да и что бы он там стал делать, если в экспедиции уже ездить не мог. Решили, что наиболее приемлемое для него занятие – переводы, научно-художественные или научно-популярные»<sup>3</sup>.

Тянуло к «перу и бумаге». И он стал писать. Начал с переводов с английского языка нескольких брошюр по гляциологии, затем перевел для Географгиза приключенческую повесть «Один в джунглях» Виктора Нордвуда, в течение двух лет работал над переводом фундаментального труда «Америка глазами первооткрывателей». Писал сначала перьевой ручкой, с большим трудом – она выскальзывала из «пальцев» протеза, – потом стал печатать на портативной немецкой машинке «Оптима» с помощью специальных плексигласовых молоточков.

Но тяга «полярного волка» к путешествиям, помноженная на силу воли и оптимизм, взяла свое. Сначала состоялась экспедиционная поездка на машине по всему черноморскому побережью Крыма и Кавказа с университетским товарищем, потом Каневским овладела идея снова побывать в Арктике – друзья пригласили на полярную станцию на острове Хейса (Земля Франца-Иосифа). С острова Хейса Каневский шлет домой короткую радиограмму: «Я счастлив!», «и в этих словах содержалась правда, вся правда, и только правда! Задували метели, били в лицо, закрытое матерчатой маской, я задыхался от упругого морозного воздуха, передвигаясь навстречу ветру короткими перебежками между домами, руки в протезах отчаянно леденели, ноги в унтах промерзли, казалось, насквозь... и все вместе это называлось счастьем». Очерк об этой поездке стал первой публикацией Каневского в очень популярном тогда журнале «Знание – сила», выходявшем тиражом семьсот тысяч экземпляров.

Продолжение сотрудничества с журналом вылилось в частые командировки на Крайний Север и во многие города страны, прежде всего в Ленинград, где Каневский брал бесчисленные интервью у знаменитых полярных исследователей и подолгу работал в богатейших архивах музея Арктики и Антарктики. В 1969 г. издана его первая книга – «Между двух океанов» – про историю освоения трассы Севморпути, через четыре года вышла еще одна – «Разгаданный полюс» – об открытии Северного полюса и сразу вслед за ней – «Льды и судьбы». И далее, на протяжении более двадцати лет, до самой смерти Зиновия Михайловича в 1996 г., – сорок две книги, посвященные истории открытия и освоения Арктики, более пятидесяти статей в научно-популярных журналах, переводные статьи и книги...

Вдова писателя так пишет в своих воспоминаниях о Зиновии Каневском: «Зиночек – это особый мир, уникальный и прекрасный в своей человеческой сущности, но как об этом написать (я не умею), чтобы не получился слащавый, засахаренный образ, как словами отразить его своеобразие, притягательность, особый магнетизм, и в чем он?... все, как стоворились, в подробностях описывают тот трагический случай на Новой Земле, и как это его не сломило, и он продолжал ездить в Арктику и писать об Арктике. Конечно, все это верно, но ведь мужественных людей на самом деле очень много, и пользуются они заслуженным уважением и восхищением, и очерки о них пишут, все правильно. Но к Зиночку, помимо уважения, многие испытывали просто любовь...». И далее: «У Зиночка было удивительно светлое восприятие жизни, которое органически сочеталось с его особым юмором, всегда добрым и мягким, никогда не злым или циничным. Любое острое слово, анекдот, смешная ситуация тотчас же повышали ему настроение и вызвали желание пересказать другим, чтобы и они могли посмеяться... С ним никогда не было скучно, и ему никогда не бывало скучно – от всегдашнего ощущения полноты и интересности жизни. <...> Конечно, его оптимизм – настоящий, глубинный, никак не показной, приправленный его особым, Зинковым, юмором, притягивал к нему мно-

---

<sup>3</sup> Из воспоминаний Натальи Давидович-Каневской (послесловие к книге З. М. Каневского «Жить для возвращения». М.: Аграф, 2001).

жество людей. Но не только это. Главное, наверно, – это его доброта, душевность, настоящий интерес к собеседнику и его проблемам».

\* \* \*

«Загадки и трагедии Арктики» – последняя прижизненная книга Зиновия Михайловича Каневского, и она заметно отличается от опубликованного ранее. О своей литературной работе в советские годы, о цензуре и самоцензуре Каневский очень откровенно написал в автобиографической книге «Жить для возвращения»: «Мне... приходилось кривить душой при публикациях. Я убирал из текста все, что требовали мои редакторы, а это были, как правило, вполне доброжелательные и нормально мыслящие люди. По их настояниям вставлял в книги об освоении Крайнего Севера советскими людьми упоминания о том, что это была героическая эпоха первопроходцев, строителей днепрогэсов, туркменсибов и магниток... <...> Стыдно, конечно, но я и сейчас, в 1995 г., не знаю, что было бы правильнее – уйти с гордо поднятой головой, не согласившись на исправление твоего текста, или все-таки подчиниться требованиям, чтобы хоть частичка добытой тобою правды увидела свет. Для меня эта дилемма усугублялась еще и тем, что, отказавшись от компромиссов, я должен был поставить крест и на своей литературной деятельности, а никакой иной работы я уже для себя не видел».

Все последние годы жизни Зиновий Каневский работал над тем, что волновало его больше всего, – исследованием самых черных страниц нашей недавней истории. Работал с полной отдачей, несмотря на стремительно ухудшающееся здоровье, – хотел успеть рассказать о том, что еще недавно находилось под полным запретом. «Никакие мои очерки или книжки на арктические темы не обходились без вмешательства бдительной цензуры. <...> Мне удалось написать правду только в конце 80-х гг., когда стала ослабевать, а затем и совсем была отменена всесильная Цензура. Я стал говорить в полный голос о страшной участи полярников, попавших... под каток сталинских репрессий. Пока что это семь очерков в разных журналах и глава в книге “Загадки и трагедии Арктики”, которую я начинал писать еще в прежние, “цензурные”, времена. Один из очерков назвал “Страшнее всех стихий”. Эта тема теперь и на все последующие годы становится для меня главной».

\* \* \*

Предлагаемая читателю книга З. М. Каневского «Загадки и трагедии Арктики» вышла в свет в издательстве «Знание» в 1991 г. и давно стала библиографической редкостью. Задолго до модного нынче течения с заграничным названием «нарратив нон-фикшн» Каневский писал именно так – умел излагать фактический материал прекрасным литературным языком, ярко, эмоционально, интересно. Этот редкий дар закрепил за работами Зиновия Михайловича Каневского заслуженную репутацию лучших книг об Арктике и Севере.

## Вступление

Много заманчивого, нераскрытого, таинственного хранят северные широты. И всегда они влекли к себе людей ищущих, решительных, отважных, о ком взволнованно говорил Фритьоф Нансен: «Кто желает знать человеческий дух в его благороднейшей борьбе с суевением и мраком, пусть листает летопись арктических путешествий, историю мужей, которые во времена, когда зимовка среди полярной ночи грозила верною смертью, все-таки бодро шли с развевающимися знаменами к неизвестному».

Многих имен мы не знаем и уже никогда не узнаем. Но сколько из них оказались вычеркнутыми из истории нашего Крайнего Севера сознательно, в годы недавних репрессий! И если оставаться верными лозунгу «Никто не забыт, ничто не забыто», мы обязаны поименно вспомнить их всех, убрать «черные» пятна из отечественной истории, подобно тому как стерты с географической карты Арктики белые пятна. В этом автор видит одну из первейших своих задач.

Необходимо сразу оговориться: в предлагаемой читателю книге будет куда больше вопросов, чем исчерпывающих ответов, и в том нет ничего удивительного. От стародавних эпох почти не сохранилось надежных документов (да и ненадежных, по правде сказать, тоже немного), хотя время от времени в государственных архивах случаются поразительные открытия, о чем мы непременно поговорим. Можно надеяться на то, что неожиданные находки ждут своего часа и в личных архивах, в воспоминаниях людей, причастных к Арктике. Автор был бы счастлив, если бы в результате чтения его книги последовали такие сюрпризы.

Поскольку ясно, что опасностей «на душу населения» в высоких широтах неизмеримо больше, чем в широтах умеренных и южных, то читателю придется привыкнуть к мысли, проходящей через все повествование: размышления о загадках и тайнах идут параллельно рассказу об арктических драмах и трагедиях. Романтика и героика, величие и слабость человеческого духа, бескорыстие и тщеславие сплетаются здесь воедино.

В центре нашего внимания будет история, однако мы поведем разговор и о географии Севера, его природе, значении которой для жизни человечества невозможно переоценить. Тут и климат Арктики, и дрейфующие полярные льды, определяющие жизнь Северного морского пути – а эта ледовая магистраль играет исключительную роль в экономике нашей страны. И вот что примечательно: благодаря усилиям не одного поколения полярников, отечественных и зарубежных, мы знаем сегодня природу Заполярья отнюдь не хуже, чем природу других регионов земного шара, а гидрологический режим и климат Ледовитого океана – так же хорошо, как и Средиземного моря. И это вовсе не преувеличение, а признание строго научного факта.

Область райского Средиземноморья упомянута здесь неслучайно. Как ни парадоксально на первый взгляд, именно оттуда началось проникновение цивилизованного человечества... в Арктику! А потому нам с вами придется на мгновение заглянуть в благословенную Южную Францию, в Марсель, шумный и пестрый многоголосый город-порт на берегу Средиземного моря, чтобы потом надолго отправиться в ледяные северные широты.

## Именитые и безымянные

### Колумбы ли открывают Америки?

Если подняться по крутым петляющим улицам и улочкам современного Марсея к подножию парящего над городом великолепного храма Нотр-Дам-де-ла-Гард (собор Богоматери Хранительницы) и глянуть вниз, на город, то взору одновременно предстанут два моря – море красных черепичных крыш и голубое Средиземное. Где-то в лабиринте красноголовых домов затерялась улица Каннебьер (Конопляная), где-то – улица Мельянские Аллеи, на которых жили придуманные, но такие осязаемые герои Дюма: юный Эдмон Дантес, его Мерседес, их безжалостные враги. Переведите взор на марсельскую бухту, и вы не сможете оторвать глаз от серых скал и башен острова Иф, в замке-тюрьме которого молодой моряк, схваченный по клеветническому навету, провел горестные четырнадцать лет...

Спокойна марсельская бухта, сотни катеров, яхт, лодочек и лодчонок сгрудились на подходе к пирсу, где бушует рыбный рынок. Солидно пробирается к причалу советский теплоход «Шота Руставели» с очередной партией любопытствующих разноязыких туристов, и требуется определенное усилие, чтобы вообразить себе этот порт, каким он был свыше двух тысяч лет назад.

Еще в VI в. до н. э. фокейские греки, выходцы из Малой Азии, основали здесь колонию Массалия («Врата Востока»), а два столетия спустя, между 350 и 320 гг. до н. э. (точнее сказать невозможно), один из ее обитателей, грек Пифей, ушел в свое великое, навсегда вошедшее в историю плавание. Это был не местный купец-богач, а ученый, обладавший обширными географическими, этнографическими, астрономическими, навигационными познаниями, и осуществленную им экспедицию спустя две с лишним тысячи лет оценивали так: «Предприятие Пифея возникло из той чистой, неподдельной страсти к истине, что свойственна всем великим исследователям и открывателям».

Итак, в один из дней неизвестно какого месяца и года IV столетия до нашей эры из гавани жаркой Массалии вышло в Средиземное море греческое парусно-весельное судно. Миновав Гибралтарский пролив, оно не повернуло, однако, на юг, как это традиционно делали финикийцы и карфагеняне, а взяло курс на север. Зачем? Почему? Вот вам первые вопросы, по сути, остающиеся без ответа. Высказывается лишь предположение, что богатые купцы Массалии наняли искусного навигатора Пифея, чтобы он привез им достоверные сведения о странах олова и янтаря<sup>4</sup>.

От собственноручных записей, которые вел мореплаватель, сохранились только разрозненные фрагменты по несколько строк в каждом. Они уцелели случайно, и за это надо благодарить другого знаменитого грека – крупнейшего античного географа и историка Страбона, жившего на рубеже старой и новой эры. Это был автор объемного труда «География», состоящего из семнадцати книг. Изучая записи Пифея, Страбон пришел к выводу о том, что они сплошная выдумка. Ему казалось невероятным, что «человек честный, и притом бедняк, мог проплыть и пройти столь большие расстояния, дойти до пределов моря и исследовать всю часть Европы, лежащую на севере». Но, будучи настоящим историком, Страбон не позволяет себе уклониться от цитирования первоисточника, т. е. дневников Пифея, и эти-то цитаты как раз лучше всего свидетельствуют в пользу «показаний» первого полярного мореплователя.

---

<sup>4</sup> Предположительно нынешняя Прибалтика. – Здесь и далее, если не оговорено иное, все примечания принадлежат автору.

«Варвары<sup>5</sup> показали нам то место, где солнце отправляется на покой. Ибо случилось... что ночь в тех областях была очень короткой и продолжалась в некоторых местах два, в других – три часа, так что через очень короткое время после захода солнце вновь поднималось». Перед нами типичное описание белой северной ночи (вспомните знаменитые пушкинские строки: «Одна заря сменить другую спешит, дав ночи полчаса»), и сделать его в те невероятно далекие от нас времена мог только очевидец.

Похоже, что Пифей побывал в краях, лежащих между шестидесятью второй и шестидесятью четвертой параллелями, откуда рукой подать до полярного круга. Судя по всему, мореплавателю достиг Британских островов, побывал в водах Северного моря и добрался до какой-то таинственной страны Туле. Подавляющее большинство географов и историков более позднего времени полагают, что речь идет о Норвегии, но кое-кто из наиболее азартных всерьез говорит об Исландии и даже о Гренландии. По словам самого Пифея, за этой страной Туле не было уже «ни моря, ни земли, ни воздуха» – вот какое гнетущее впечатление произвели на южанина эти широты, причем отнюдь не зимой, а летом или ранней осенью. Пифей впервые доставил в цивилизованный мир сведения о «маре конкретум» – «свернувшемся море», иными словами, об океане, покрытом плавучими льдами. О них путешественнику рассказали на языке жестов встретившиеся ему коренные обитатели тех мест.

Правда, кое о чем цивилизованный мир знал и прежде, хотя и не из уст непосредственного очевидца. В священных индийских и персидских книгах, «Ведах» и «Авесте», в поэмах эллинов, а позже – в сагах скандинавских викингов и сказаниях русских поморов можно было прочесть о беспредельно далеких краях с незаходящим летним солнцем и беспросветной длинной ночью. Мы можем определенно утверждать, что и две, и три, и пять тысяч лет назад человечество уже ведало о том, что есть на белом свете Арктика (страна, лежащая под созвездием Большой Медведицы, которое зовется по-гречески Арктос).

---

<sup>5</sup> Так Пифей именуется местных жителей.



Приблизительный маршрут плавания Пифея

В древнейших гимнах, легендах, сказаниях, мифах запечатлена подлинная память человеческая, хотя в самих этих произведениях содержится немало вымышленного, сказочного, фантастического. Тут и киммерийцы, обитающие в «бесконечной и безотрадной ночи», и киноцефалы – люди с собачьими головами (даже в «Грозе» А. Н. Островского звучит такой отголосок, дескать, «есть еще земля, где все люди с песьими головами», а ведь это уже вторая половина XIX столетия!). Тут и скольльзящие по снегу на лыжах скридфинны, и биармийцы, и гипербореи, живущие в люто холодных краях<sup>6</sup>, тут и карлики, и великаны, обитающие во мраке ночи и «скрепляющие шкуры жилами животных и покрывающие таким образом свое тело».

Когда люди впервые пришли в Арктику? Благодаря находкам археологов и геологов на этот вопрос ответить можно хотя бы приблизительно: человек появился в высоких широтах несколько десятков тысяч лет назад, когда равнины Евразии и Северной Америки покрывал сверкающим, обжигающе-холодным панцирем Великий четвертичный ледник. Люди первобытной послеледниковой эпохи, древние охотники и рыбаки, по мере постепенного отступления льдов на север становились первыми аборигенами высоких широт.

<sup>6</sup> Согласно древнему историку Геродоту, еще в IX в. до н. э. в тех местах побывал грек Аристей.

Уже в наши дни исследователи добыли в результате раскопок совершенно поразительные сведения. Оказывается, еще десять тысяч лет назад на дальневосточном Севере существовала так называемая протоэскимосская культура. Три с лишним тысячи лет назад предки нынешних чукчей и юкагиров уже интенсивно обживали Чукотку, а на острове Врангеля обитали искусные морские охотники, которые поддерживали, как сказали бы мы сегодня, дружеские экономические связи с самыми отдаленными и труднодоступными территориями, включая чуть ли не Гренландию, и происходило все это в эпоху, когда в мире не было ни Древних Афин, ни Древнего Рима!

При этом возникает непростая проблема: кого следует считать первооткрывателями, если иметь в виду, что на всех континентах Земли (кроме Антарктиды), на островах и архипелагах планеты испокон веков, а вернее, тысячелетий, жили, охотились, боролись со стихиями и умирали в полнейшей безвестности коренные обитатели той или иной территории?

Очевидно, нужно всегда помнить, что речь в подобных случаях может идти исключительно о белых пришельцах, неожиданно вторгшихся в мир черных, желтых, смуглых, меднокожих «дикарей», истинных первооткрывателей и хозяев своей родины, которую уже потом, много столетий или даже тысячелетий спустя, торжественно нарекали, допустим, Америкой. Либо Арктикой, если не ограничиваться одними только материками.

Так вот, Пифей оказался именно таким первым белым посланцем цивилизованного мира, не преследовавшим при этом никаких захватнических целей. Слава ему и честь! Не будем только никогда забывать о коренных жителях – а ведь лишь на нашем Крайнем Севере сегодня проживает двадцать шесть так называемых малочисленных народностей, не говоря уже о таком крупном древнем народе, как якуты.

Да еще нужно непременно учитывать, что «самые-самые первые» на поверку оказываются иногда вовсе не таковыми (тот же Пифей, не исключено, располагал какими-то данными о северных землях, добытыми кем-то из более ранних мореплавателей). Лучшим доказательством тому служит пример Христофора Колумба: ныне даже школьники знают, что он ни в коем случае не был первым европейцем, достигшим берегов Нового Света, – за несколько веков до него это сделали викинги. А кто возьмет на себя смелость сказать, были ли те викинги первыми, не опередили ли их предшественники, так и оставшиеся безымянными для истории?

Но, вероятнее всего, викинги и вышли через тысячу лет после Пифея к «настоящему» полярным морям. Не к Балтийскому или Северному, а к Баренцеву, Белому, Гренландскому. К «маре конгелатум» – «застывшему» арктическому морю, т. е. к Ледовитому океану. Строго говоря, викинги в любом случае обитали «недалеко» от Арктики, в Приполярье и Заполярье Скандинавского полуострова, однако этих суровых северян влекло во все более высокие широты, и в своих плаваниях они достигли большого искусства.

Позволительно задаться старым как мир вопросом: зачем (либо за чем) они туда стремились? Что гнало их на самый крайний север, где и аборигены-то отсутствовали, где были одни только голые скалы, снега и льды, дрейфующие соленые льды океана и пресные голубые ледники, сползающие в море с гор безлюдной и безымянной Гренландии, с безлюдных и безымянных Шпицбергена, Земли Франца-Иосифа, Новой Земли?

Нет, разумеется, не снега и не льды звали древних скандинавов в страну незаходящего солнца и многомесячного зимнего мрака. Об истинных побудительных мотивах кратко и образно повествует «Королевское зеркало» – норвежский литературный памятник первой половины XIII столетия, созданный безвестным летописцем на основе старинных хроник и легенд:

«Хочешь ты знать, что ищут люди в той стране и почему они туда отправляются, несмотря на большую опасность для жизни? Знай же, что три свойства человеческой природы побуждают их к тому: во-первых, соревнование и склонность к известности, ибо человеку свойственно устремляться туда, где грозит большая опасность, благодаря чему можно приобрести

известность; во-вторых, любознательность, ибо также свойством человеческой природы является стремление видеть и знать те местности, о которых ему рассказывали; в-третьих, человеку свойственно любостяжание, ибо люди постоянно жаждут денег и добра и идут туда, где, по слухам, можно иметь прибыли, несмотря на грозящую большую опасность».

В стародавней хронике сформулированы те основные законы, по которым человек и сегодня (как сто, тысячу, десять тысяч лет назад) уходит в Неведомое. И пусть оно, это загадочное Неведомое, таит в себе смертельную угрозу, пусть не каждому суждено возвратиться домой из гибельного плавания либо похода в северные края – жажда борьбы и славы, богатства и бескорыстного познания неутолима, неистребима.

В сущности, все законы, изложенные в «Королевском зеркале», действуют и по сей день. По ним жили и творили древние, они же диктуют линию поведения нашим современникам. И вот что удивительно: вторая побудительная причина тяги человека на север – «любознательность», «стремление видеть и знать» – всегда на равных уживалась с прочими, куда более земными мотивами. Никто из нас не узнает, когда в Заполярье появилась первая пришлая артель (промысловая, рыболовецкая), волею судеб застрявшая там на зиму. А вот даты первой зимовки, которую с полным правом можно назвать исследовательской, историки приводят с завидной точностью.

Это было в 1633–1634 гг. По заданию торговой «Гренландской компании» семеро голландских моряков добровольно отправились на остров Ян-Майен, лежащий на границе между Норвежским и Гренландским морями, чтобы провести там «самые точные наблюдения над природой Арктики, как то: над полярной ночью и другими своеобразными явлениями, относительно которых мнения астрономов расходятся». Трудно удержаться от улыбки при чтении слов «точные наблюдения» – у голландцев не имелось ни единого метеорологического прибора, поскольку их просто-напросто еще не успели изобрести!

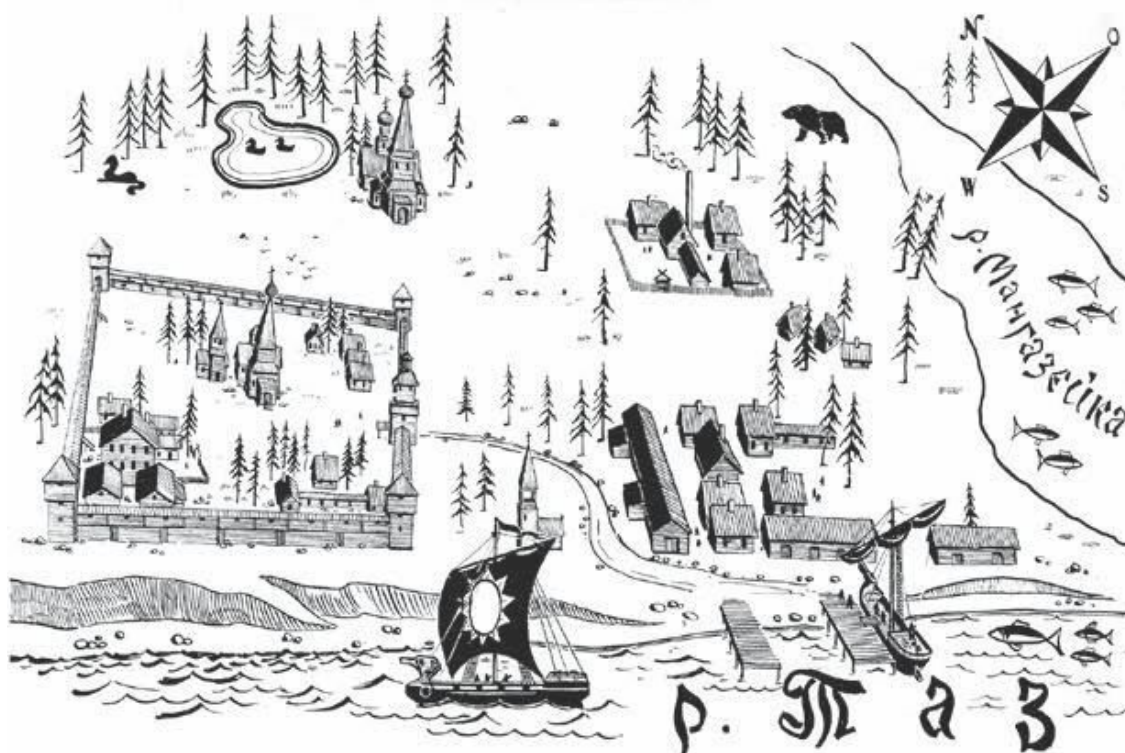
Они вели ежедневный дневник погоды и заполняли его с величайшей тщательностью до смертного часа последнего из той семерки, навеки оставшейся безымянной. Примечательно, что этот последний наблюдатель-матрос лишь здесь, на зимовке, выучился читать и писать. Как отозвался о безвестном исследователе один из современных нам знатоков истории Арктики, «имени его не упоминается ни в одном научном труде, но по тому времени он вел именно научную работу, исполненную величия». Цитируем же несколько строк из того удивительного дневника погоды:

«Ветер тот же. Небольшой дождь. Мы находимся в таком жалком состоянии, что... никто не может помочь самому себе, не говоря уже о помощи другим. Пока хватает сил, я исполняю свой долг, как могу. Ночь была темная, и ветер тот же. Днем и ночью 24 апреля было облачно, ветер дул с юга. 25-го временами сияло солнце. Ночью дул свежий норд-вест. 26-го день был тихий, пасмурный, ночь – хорошая, ветер западный. 27-го оттепель, мы убили нашу собаку из-за недостатка в свежих продуктах. Ночь была пасмурная, но без дождя, ветер восточный. 28-го тот же ветер, ночью дул свежий норд. 29-го ветер и погода те же. 30-го ясный солнечней день, ветер тот же. Умираю...»

Обратимся, однако, к более далеким временам. Викинги были отчаянными искателями приключений и одновременно – легкой наживы. В северных водах эти морские разбойники грабили мирные торговые суда и в своих откровенно пиратских маршрутах явно тяготели к западу, что и привело в конце концов к открытию Гренландии и Северной Америки. При этом они все ревнивей поглядывали на восток. Там, на берегах Белого моря и впадающих в него многочисленных рек, а также в тундре Кольского полуострова жили карелы и лопари (саами), промышлявшие оленя, песца, морского зверя, ловившие рыбу. До изобретения огнестрельного оружия оставались еще целые столетия, и невозможно не поражаться, с каким искусством создавали и поддерживали они, аборигены Заполярья, «систему» собственного жизнеобеспечения.

А к XII в. (историки, впрочем, яростно спорят, не уменьшить ли эту цифру) здесь появились первые русские люди, предприимчивые и храбрые новгородцы. Супердержава той поры, «господин Великий Новгород», старалась максимально расширить сферу торговли, а значит, и своего влияния. К берегам «Студеного моря» один за другим направлялись отряды новгородцев. Сюда, в дикие и почти необитаемые края, тянулся также и беглый народец – бесправные холопы, пытавшиеся освободиться из-под власти бояр и купцов, обрести волю, выйти в люди. Уцелеть в такой яростной борьбе могли, естественно, только самые дерзкие и лихие личности, презиравшие опасности и тяготы северной жизни. Именно с тех времен Заполярье надолго сделалось прибежищем для таких вот незаурядных людей – от стихийных бунтарей стародавнего прошлого до романтиков-революционеров, выдающихся арктических исследователей XIX–XX вв.

Морские суда новгородцев-северян, их замечательные лоды и кочи, год за годом, столетие за столетием продвигались все дальше и дальше на восток. Говоря сегодняшним языком, шло поэтапное освоение трассы Северного морского пути (сам термин, конечно, принадлежит гораздо более поздней эпохе, даже официальное наименование «Северный Ледовитый океан» было окончательно узаконено лишь в 1935 г.). Мореплаватели то и дело превращались в заправских путешественников, и наоборот: они волоком перетаскивали суда через бесчисленные перешейки и водоразделы, проводили их по малым и мелким речушкам, упорно пробиваясь в наиболее глухие уголки Северного Поморья, в земли Печоры и Урала. Новгородцы прочно оседали на новых местах, ставили крепости-городки, занимались добычей редкостных туземных товаров у местного населения (в том числе и путем грабежа), били, словно заправские аборигены, медведя, моржа, пушного зверя.



«Златокипящая Мангазея»

Реконструкция В. И. Смирнова по раскопкам 1968 г.

Поколение за поколением продвигались потомки новгородцев на восток, медленно обживая северную кромку материка Евразии, совершенно безлюдные острова и архипелаги Барен-

цева моря – Колгуев, Вайгач, Новую Землю и совсем уж немыслимо далекий Шпицберген – Грумант, как исстари называли его архангельские поморы (сам Архангельск был основан в 1584 г. в дельте Северной Двины и стал со временем основным северным портом России).

Их манила все та же Неизвестность, а в ней, в ее туманной дымке, поморов ждали «мягкая рухлядь» (пушнина), моржовая (а впоследствии, когда они добрались до берегов Якутии, и мамонтовая) кость, шкуры и жир морского зверя, рыба, птица, олени. Они страдали и умирали от холода, голода, всяких напастей, погибали от несчастных случаев, теряли свои пробитые льдами, опрокинутые волнами суденышки, расставались с жизнью на пустынном безымянном берегу, исчезали бесследно, словно растворившись в безвестности. И упрямо, неукротимо шли на восток.

И вот уже за Обью, в стране, лежащей по берегам Пура и Таза, сказочно богатой пушным зверем, возникла «златокипящая» Мангазея, ставшая к началу XVII в. торговой и административной столицей Сибирского Севера. А еще через несколько десятков лет мангазейские и енисейские казаки, с помощью которых Московское государство (поскольку новгородской вольнице да и самому Великому Новгороду к XVI в. пришел конец) осуществляло контроль над отдаленными территориями, добрались до крайних восточных рек – Яны, Индигирки, Алазеи, Колымы. Уже был «виден» конец Великой ледовой трассы.

В 1648 г. отряд казаков и промысловиков (или промышленников, как их здесь всегда называли), пройдя от устья Колымы через два полярных моря (Восточно-Сибирское и Чукотское), обогнул безымянный мыс, крайний северо-восточный мыс материка Евразии, и казачьи кочи вошли в пролив, разделяющий Азию и Северную Америку. Впервые в истории люди, плывшие по Ледовитому океану, оказались в Тихом. А через два с лишним столетия благодарные потомки нарекли крайний мыс континента именем командира казачьего отряда Семёна Дежнёва. Историческая справедливость восторжествовала? Да как сказать...

## Несправедливости обычной карты

Считается, что чудес света семь. Однако едва ли не каждое новое человеческое поколение готово существенно расширить их список, и первым в таком дополнении становится, естественно, очередное, восьмое, чудо. Для кого-то им, вероятно, стал паровоз или пароход. Для кого-то – лазер либо космический корабль. Да мало ли, в самом деле, чудес на свете, чудес природы, архитектуры, техники, искусства! Но мне почему-то кажется, что законным восьмым чудом света нужно признать обыкновенную географическую карту.

Во-первых, любая карта просто-напросто красива. Во-вторых, она всегда волнует, будоражит воображение, зовет в дальние края и моря. Пятилетнему ребенку, над кроватью которого висит карта, она раз и навсегда открывает мир, Землю, а карта звездного неба – еще и Вселенную! В-третьих, карта являет собою могущественный инструмент познания, зримо создавая игрой красок, условных знаков, контуров, пунктиров облик ландшафта, природы той или иной местности, одновременно характеризуя ее экономическое развитие, степень ее населенности, уровень изученности. Есть, очевидно, и «в-четвертых», и «в-пятых», и «в-десятых», но имеется среди достоинств любой географической карты одно, может быть, самое серьезное: карта человечна, она вобрала в себя тысячелетнюю историю людей – и первооткрывателей (они же первопроходцы), и мыслителей, и героев, – в общем, наиболее достойных представителей человеческого рода, имеющих право на увековечение, на бессмертие. Имя на карте – этим сказано очень многое, оно свидетельство уважения, любви, признания заслуг. Имя на карте...

На современной карте Советской Арктики несколько тысяч различных природных объектов носят имена людей, и едва ли не каждое имя заслуживает отдельного рассказа. Мысы, острова, проливы, бухты, горы, ледники, подводные хребты и целые моря названы в честь (и в память) этих людей. Прославленных и не слишком широко известных, наших современников и их далеких предшественников, гениальных ученых и промысловиков-охотников, истинных героев своего времени и сановников, многие из которых не только не внесли никакого вклада в изучение Арктики, но и яростно препятствовали любому прогрессу.

Вот и настала пора вспомнить Семёна Дежнёва, имя которого, хотя и с запозданием в двести с чем-то лет, заняло свое место на карте. Красивый и мрачный утес, обрывающийся в Берингов пролив, черная заснеженная скала с прилепившейся к ней четырехгранной башней-obeliskом и бронзовым бюстом казака Дежнёва – таким предстал в апреле 1984 г. этот мыс нам, пассажирам вертолета Ми-8, сопровождавшим группу челюскинцев в их поездке по Чукотке. Вертолет завис над ледяным морем, слева – мыс Дежнёва, справа вдали – острова Ратманова и Крузенштерна, а между ними – государственная граница СССР – США.

Все в душе ликует, одна только мысль не дает покоя: почему этот мыс носит имя человека, игравшего в той экспедиции 1648 г. важную, но все же вторую роль? Куда делась фамилия руководителя, организатора того похода-плаванья? Ведь историкам-то оно прекрасно известно, вошло в солидные монографии, никем не опровергнуто: Федот Алексеевич Попов, он же Федот Алексеев, он же Федот-Холмогорец (по месту его рождения, села Холмогоры под Архангельском, давшего затем миру Ломоносова).

Обращаемся к «Топонимике морей Советской Арктики», написанной ленинградскими полярными гидрографами С. В. Поповым (однофамильцем нашего героя) и В. А. Троицким. Она содержит несколько тысяч именных названий всевозможных географических объектов, даже весьма незначительных, и почти каждая фамилия снабжена краткой биографической справкой. Ищем Федота Попова. Находим: ледник Попова на Новой Земле, назван в честь изобретателя радио Попова Александра Степановича. Двигаясь дальше на восток вдоль северного побережья Евразии, видим остров Попова Федора в дельте Лены, названный в память жителя Туруханска, промышлявшего в этих местах в середине XVIII в. Затем – лагуна Попова

Степана на острове Врангеля, куда означенный охотник прибыл в 1930-х гг. вместе с семьей из одиннадцати человек. А вот и мыс Попова на Чукотке, в бухте Провидения – нет, опять не то, это другой Попов, Андрей Александрович, адмирал и кораблестроитель, плававший в водах Тихого океана в конце XIX в. Имени Федота Попова на карте нет.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.